

дом было невозможно. Тем не менее из некоторых рассказанных нам жизненных историй следовало, что иногда женщины все же возвращались в дом родителей (см. главу 3); однако было ясно, что такой случай расказчицы рассматривали как исключение из правил.

Роль большухи в крестьянском хозяйстве была исключительно значима. Однако по сравнению с другими возрастными статусами, которые привлекали внимание этнографов и фольклористов, исследующих русскую деревню, социальный институт женской большины не был достаточно хорошо описан. Поэтому мы уделим ему особое внимание. По сути, именно большухи — героини нашей книги, поскольку именно с ними мы общались и проводили большую часть «полевого» времени.

Большуха

Значительная часть крестьянского хозяйства (огород, одежда и все, что связано с ее изготовлением, заготовка продуктов) находится под контролем большухи. Ей подчиняются все женщины семьи, дети и неженатые молодые мужчины (парни). В компетенцию большух входили контроль за поведением всех членов крестьянского сообщества; формирование общественного мнения и его публичное оглашение; проведение всех семейных ритуалов: календарных праздников с обязательными для них гостями, поминок, свадеб, проводов в армию; на их попечении — дом, скот и дети (и собственные, и дети сыновей — внуки). Хозяйственную состоятельность большухи оценивал большак. Критерии оценки — благополучие семьи и скота, в том числе и защита от магических чар «завидующих». Компетентность большухи проявлялась в мире между членами семьи, рациональной организации повседневной жизни и эффективном использовании пищевых ресурсов. Роль главной женщины в доме принадлежит свекрови: для наших собеседниц первого и второго поколения (т. е. женщин, рожденных между 1899 и 1930 годами — см. ниже) ее власть была неоспоримой: авторитет большухи ставится под вопрос лишь в третьем из описываемых нами женских поколений.

Тема женской большины как особого социовозрастного статуса возникла, как часто бывает, из непонимания¹. В 1995 году мы остановились в одном гостеприимном деревенском доме в Белозерском районе Вологодской области. Желая сделать приятное хозяевам, мы привезли с собой продукты из города. Я (СА) зашла в закут (пространство за печью), чтобы помочь приготовить что-нибудь вкусное

¹ Записи из полевого дневника (СА).

из наших гостинцев. Мои действия, очевидно, озадачили хозяев, пятидесятипятилетнюю супружескую пару. Жена, Людмила Ивановна, сидела, лукаво поглядывая на меня, и молчала. Хозяин тут же стал называть меня по отчеству — «Борисовна». За их нарочитой веселостью скрывалась неловкость. Моя оплошность объяснилась день спустя. Мы говорили с Людмилой Ивановной о ее отношениях со свекровью. Не упоминая вчерашнего происшествия, она мягко объяснила мне, что стоять у плиты и готовить может только хозяйка, большуха; дочери и невестки — то есть младшие женщины — могли мыть посуду и помогать, но не руководить процессом. Я поняла ошибку, которую совершила: желая помочь и порадовать, я нарушила возрастную иерархию, и в результате хозяева перестали понимать, как ко мне относиться. Решив, что я претендую на позицию большухи — то есть равной ему по статусу, муж Людмилы Ивановны немедленно выразил свое согласие, назвав меня по отчеству, без имени — так, как принято здесь обращаться к большухам. Осознав свою ошибку, я стала обращать внимание на то, как мужчины и женщины говорят об отношениях главенства в доме. Особое внимание требовалось уделять тому, как формируются отношения между свекровью и невесткой. В российских городах эти отношения обычно считаются конфликтными по определению. Но, слушая рассказы деревенских женщин, мы убеждались в том, что в деревне эти отношения складываются иначе: главенствующая позиция свекрови для наших собеседниц, принадлежавших первому и второму поколениям, была само собой разумеющейся.

Учились ткать у женщин, которые снуют. Молодые не умеют, выйдут замуж, так свекровка или мать покажет. Научит, как сновать (учат после свадьбы). А если свекровка молодая, так она сама будет ткать. Ткать начинают, когда свекровка состарится. Раньше старики были в почете — хозяевами были. Уж если не может делать свекровь, только тогда дети учились. Свекровь и печку топит, и ребенка в зыбке качает, а молодые работают. А за стол садятся — первую ложку отец хлебнет, а затем — остальные (Женщина 1926 г.р., Надково, Белозерский район, Вологодская область, 13 июля 1994 г., ФА, Bel18-290).

Женщина описывает стандартный сценарий: молодку учила ткать после свадьбы свекровь. Только старшие — мать или свекровь — знали, как привести ткацкий станок в рабочее состояние. «Дети» (молодые женщины) брали на себя работу старших, только когда свекрови уже не могли выполнять ее. Утверждение «старики были в почете» предполагает, что именно большуха решала, когда она передаст свои

обязанности. Я (СА) впервые услышала о ритуале передачи большины в Вологодской области в 1994 году, когда старая крестьянка объясняла мне, как она печет хлеб. Домашнее изготовление хлеба было тяжелой физической работой: нужно было промесить в деже пудовый ком теста. Когда хозяйка чувствовала, что она больше не в силах выполнять эту работу, она передавала ее вместе с другими обязанностями большухи младшей женщине, чаще всего — невестке. Для этой процедуры было установлено специальное время: праздник Покрова Пресвятой Богородицы (14 октября). Обычно это делали ночью — только хозяйка и та, которой она передает большину: хозяйка затворяла тесто и, когда оно всходило, замешивала его вместе со своей преемницей в четыре руки. Женщина объяснила, что до этого дня невестка могла помогать, например, в приготовлении начинки для пирогов, но никогда не занималась опарой. Так мы узнали, что передача женской власти в доме регулировалась ритуалом и проводилась по взаимному согласию.

Это — одно из многих действий, которые большуха совершает приватно (не посвящая в них никого или только того, кого это напрямую касается). Одним из таких действий является поминовение «родителей», что делают большухи и старухи. [Адоньева 2004]. (Мы обсудим это подробно в главе 9.) Другая приватная практика большух — приготовление одежды для похорон: складывание *смертного узелка*. Забота о мертвых составляет значимую часть попечений большухи, делая ее главной фигурой, отвечающей за отношения семьи с предками и иным миром — отношения, которые служат источником ее социальной, моральной и духовной власти.

Власть большухи основана на еще одной важной составляющей ее домашних обязанностей: кормлении, обеспечении едой всей семьи. Большуха отвечает за приготовление пищи, выпечку хлеба и уход за скотом, что предполагает ее центральную роль в поддержании семейного благополучия. В русском крестьянском хозяйстве до коллективизации большак обеспечивал материальное благополучие, принимая все решения, касающиеся сельскохозяйственных работ и накопления имущества (т.е. денег от продажи продукции, производившейся в хозяйстве). На нем — пахота и сев, сенокос, уход за лошадьми, заготовка дров, охота и рыбная ловля. Поскольку многие из его работ выполнялись вне дома, хозяйкой в доме была большуха. Кроме приготовления еды, растапливания и поддержания огня в печи, в ее работу входил уход за скотом и птицей, огород, прополка и сбор картофеля, жатва и заготовление льна, обеспечение семьи одеждой домашнего изготовления [Bridger 1987: 6]. Так же как и большак, большуха была кормилицей семьи, в первую очередь обеспечивая ее тем, что она делала своими руками, — одеждой и едой. Социологи, исследовавшие женский труд в крестьянском хозяйстве двадцатых

годов XX века, утверждают, что женщина проводила за домашним трудом в шесть раз больше времени, чем мужчина [Bridger 1987: 11].

Такое разделение труда сохранялось и после коллективизации — с тем существенным изменением, что у каждого взрослого члена семьи теперь была работа в индустриализованном коллективном хозяйстве, а хозяйство семейное больше не функционировало как основная единица экономического производства. Тем не менее в советской усадьбе колхозника сохранялся огород, небольшой участок земли для частного использования, а также право иметь небольшое количество домашнего скота, достаточное для того, чтобы прокормить семью («личное подсобное хозяйство»). Это было вызвано экономической необходимостью: советский «трудодень» — система натуральной компенсации — не позволял колхозникам прокормить семью¹. В то время как мужчины отдавали свои силы и время работе в колхозе, женщины часто большую часть энергии посвящали приусадебному участку и меньше часов работали в колхозе [Там же: 14]. Такое распределение сил сохранялось и в постсоветский период, когда женщины стали *de facto* главами домашних хозяйств [Денисова 2003: 183, 224].

Символы статуса большухи: корова

Отдавая время и силы огороду, женщины поддерживали значимость семейного крестьянского хозяйства: и практическую, состоявшую в том, что усадьба давала необходимое дополнение к тому немногому, что они получали в колхозе, и символическую, поскольку сохранение усадьбы было условием их социальной (крестьянской) идентичности. Сохраняя крестьянское хозяйство, они следовали традициям своих предков. Женщины делали это вопреки доводившейся до них посредством пропаганды государственной идеологии, по которой главная обязанность советского гражданина — труд в сфере государственной экономики. В значительной степени вся экономика страны зависела от труда женщин в хлеву и в огороде, потому что именно благодаря этому их семьи были в состоянии прожить на то, что они получали в колхозе. Колхозная же продукция использовалась преимущественно для того, чтобы кормить городское население, а также для государственного экспорта за границу [Bridger 1987: 13].

Это дает возможность понять одну из замеченных нами особенностей старших женщин: особое, символическое значение, которое большухи придают содержанию коровы. В процессе полевых иссле-

---

¹ Колхозникам не платили денег, между ними распределяли долю колхозной продукции в соответствии с количеством выработанных ими трудодней. Эта система действовала с 1930 до 1966 года.

дований в Вологодской области, из разговоров с женщинами мы постепенно стали замечать, что коровы для хозяек были чем-то большим, чем просто скот, который служит источником пищи для крестьянской семьи. Несколько примеров из полевых дневников (СА), которые приводятся ниже, позволяют показать, что содержание коровы было символически связано со статусом большухи.

В 2001 году в администрации одной из деревень Вологодской области я разговорила с женщиной, которая работала там бухгалтером. Эта красивая сорокалетняя женщина была замужем за главой местной администрации, у нее был семилетний сын. Для мужа это был второй брак, что горячо обсуждалось и осуждалось односельчанами. Но с ней мы не говорили об этих обстоятельствах ее жизни. Вместо этого она пожаловалась на то, что муж заставил ее завести корову, несмотря на то, что они хорошо зарабатывали и у них всегда были деньги на молоко и мясо. Чтобы понять ее недоумение, нужно представить, что значит «держать корову», или «обряжаться» (волог.). Для хозяйки содержание коровы предполагает подъем в четыре-пять утра каждое утро, невозможность никуда уехать — ни в отпуск, ни в гости: корову нужно доить два раза в день, и делать это может только хозяйка. Чтобы содержать корову, семья должна заготавливать сено. Сенокос является одной из самых трудоемких работ, которую нужно выполнять под жарким июльским солнцем; в сенокос вовлекается вся семья, а также требуется помощь родственников («своих»), а иногда и наемных работников. Таким образом, содержание коровы определяет порядок жизни, «обряд» и самой женщины, и всей семьи. Замешательство, в которое повергло мою собеседницу требование ее мужа завести корову, было связано с тем, что это не было вызвано практическими нуждами. Почему муж, который достаточно зарабатывал, заставил свою вторую жену, городскую женщину, «обряжаться» с коровой? Я начала искать ответы на этот вопрос, внимательно вслушиваясь в рассказы женщин о коровах. Нам сказали, что в соседней деревне живет женщина, которая умеет рассказывать сказки. Эта женщина передвигалась по деревне с такой скоростью, что нам потребовалось несколько часов, чтобы поймать ее: когда мы доходили до места, где, как нам говорили, ее можно застать, она уже успевала оттуда исчезнуть. После того как мы обежали всю деревню и поля вокруг несколько раз, нам ее удалось поймать в ее же доме. Любовь Игнатьевна вышла к нам поговорить на завалинке. Ей было семьдесят девять лет, у нее было четверо взрослых детей и несколько внуков. Неженатый сын лет сорока жил вместе с ней; одна из дочерей работала дояркой и жила с мужем в той же деревне; младшая дочь Любви Игнатьевны, учительница, приезжала на лето с сыном и также имела дом по соседству. Когда мы пришли к младшей дочери, та сказала нам, что купила этот дом, чтобы проводить лето

около матери. У Любови Игнатьевны также жил шестилетний мальчик — родственник из местного районного центра, которого она забрала к себе на лето, чтобы «подкормить». Все младшие представители ее семьи были рядом, при ней. Оказалось, что причина, по которой она бегала по деревне, была в том, что ее корова и теленок не вернулись с пастбища предыдущей ночью и ей пришлось искать их. Зачем старой женщине, живущей в окружении взрослых детей, у которых есть свои собственные хозяйства и скот, которые любят ее и заботятся о ней, взваливать на себя тяготы содержания коровы? Была ли связана корова с ее функцией матери-кормилицы, большухи — по отношению к неженатому сыну и гостящему у нее мальчику-родственнику? Очевидно, корова помогала ей продолжать кормить — и таким образом оставаться матерью для ее «сыновей». Почему в возрасте семидесяти девяти лет роль матери по-прежнему была важна для Любови Игнатьевны? Когда она говорила о корове, а все остальные — зять, мальчик-родственник и одна из ее дочерей — слушали, в ее глазах возникал радостный блеск: «И что, мне семьдесят девять, а я все еще корову держу». На следующий день она все-таки рассказала нам сказку, но за все лето нам так и не удалось с ней повстречаться еще раз. Когда мы приехали следующим летом, мы узнали, что ее холостой сын умер. Поскольку она была в трауре из-за его смерти, я решила не беспокоить ее интервью, но мы все-таки повстречались с ней в деревне и немного поговорили. Она сказала, что после смерти сына собиралась забить корову и больше не держать скот, но потом решила взять еще одного теленка. Я поняла, что это был не просто разговор о коровах, но также разговор об особой женской состоятельности: ее материнских качествах, зрелости, способности к заботе, способности кормить и независимости. Содержание коровы было *сценарием*, посредством которого исполнялся культурный императив, предписанный женщине-большухе, — кормить. Корова представляла собой метафору женской состоятельности — «матёрости», статуса матери-кормилицы («коровушки-матушки»), которая отдает все свои силы окормляемому домохозяину. Рассказывая нам о своем решении продолжать держать корову, Любовь Игнатьевна имела в виду определенный *сюжет*, по которому вопреки ожиданиям не отказалась от роли большухи, несмотря на то что осталась в доме одна.

Этот случай дал возможность понять рассказ женщины, которая была замужем за главой сельской администрации: муж заставил свою жену держать корову, поскольку это обеспечивало ей статус большухи среди других деревенских большух. Если бы у нее не было коровы, она оставалась бы в статусе молодки и, соответственно, подрывала бы статус своего мужа как хозяина-большака. В деревне у большака не

может быть жены-молодухи. Не физический возраст, как выясняется, определяет статус женщины в половозрастной иерархии деревни.

Я спросила Елизавету Михайловну, 1921 года рождения, которая жила в той же местности, о том, кто покупал и приводил в дом корову:

— Новую корову как вводили?

— Подведем ко двору, заведем коровушку во двор, а эти... следки, которые она... «Ходи домой, это теперь твой дом. Живи спокойно». За ней туда и бросаешь, след. Вот мы, например, со свекровушкой коровушку покупали. Она на двор, а мне: «Лизка, — говорит, — ты следочки кидай». Вот так, вот такие, девочки, дела. Как вышла в Якунино (замуж — СА) — три коровы на моем веку. (Вологодская область, 19 июля 2001 года, ФА, Vash20-259)

Елизавета Михайловна считала свой «бабий век» в коровах. Теперь она больше не держит скот, а уезжает на зиму к дочери в Санкт-Петербург, где она уже не большуха: это — дом дочери, она в нем хозяйка. Отказ от содержания скота по сценарию связан с отказом от большины. Рассказ Елизаветы Михайловны содержит и еще один культурный сюжет: весь комплекс действий — и ритуальных, и практических, связанных с содержанием коровы, — осваивался женщиной после ее замужества. Передача женского знания — «обрядни» — происходила не по родству, а по свойству: не от матери к дочери, а от свекрови к невестке (во всяком случае, так следует из рассказов вологодских женщин, рожденных до 1930-х годов).

В другой деревне, двумя годами ранее, я отправилась с одной из крестьянок на поскотину. Я пришла к ней домой по предварительной договоренности — нам сказали, что ее приглашают *обряжать* покойников, и я намеревалась поговорить о похоронном обряде. Но она очень скоро заторопилась к телятам, и я пошла вместе с ней. И вдруг она сказала: «Последний год корову держу!» Она посмотрела на меня испытующе, как будто это была проверка, и с интересом стала ждать моей реакции. Мы очевидным образом говорили не о корове, а о чем-то другом, но я не знала о чем. Тем не менее я спросила ее почему. Мой вопрос разочаровал ее — это была неправильная реакция; она была мной недовольна, потеряла ко мне интерес и отказалась от дальнейших разговоров. Причина моего коммуникативного провала стала ясна позже: проведя три недели в разговорах с местными жителями, я узнала, что эта шестидесятисемилетняя женщина живет с «сожителем», который на двадцать пять лет моложе нее, и что она «увела» его от жены. Решение не держать корову было признанием собственной старости, отказом от большины и переходом в статус старухи, что предполагало завершение сексуальной жизни. Отказ от содержания

коровы — не только экономический, но и символический акт. Для моей собеседницы признать себя старухой отказом от коровы — при том что у нее был молодой любовник — было заведомой ложью. Объявляя мне о своем решении не держать больше корову, она проверяла меня на знание конкретной ситуации и общую «женскую» компетентность. Я не прошла испытание: не знала, что означало ее заявление.

Предположение о том, что в разговорах женщин о коровах было еще что-то более личное, чем просто разговор о хозяйстве, возникло после подобных коммуникативных провалов. Такие провалы не всегда порождали проблему, как это случилось в описанном выше случае; но когда мне не удавалось понять эмоциональную подоплеку рассказов о последней корове или о трудностях ее содержания, в некотором смысле общение с собеседницей было неуспешным. Деревенская женщина, с которой я общалась каждое лето в течение десяти лет, постоянно возвращалась к этой теме: она постепенно готовилась к жизни без коровы. Вначале она говорила только о необходимости перестать держать корову, но, приезжая на следующее лето, я обнаруживала, что корова все еще была. Разговор снова возвращался к тому, как ей жалко, что придется отказаться от коровы. Через несколько лет это наконец случилось: она перестала держать скот. Когда моя собеседница сообщила мне об этом, она заплакала.

Положение мужчины как большака было однозначным положением хозяина; мужчины оставались на большинстве до конца. Но женщины могли передавать большинство невесткам, когда у них уже не было сил вести хозяйство. В вологодской традиции содержание коровы определяло статус женской большины. Корова-мать — всеобщая кормилица — метафора этого статуса и, соответственно, женщины, которая находится в этом статусе.

Тем не менее, неверно думать, что уход за коровой — функция, общая для больших любой местности (например, в некоторых местностях уход за скотом был делом молодки), и что описанная символизация — общее явление. Это верно для Вологодчины, но в деревнях Псковской области символом власти большухи и метафорой ее статуса (мы приводим пример во втором разделе, ниже) была кочерга — *клюдка*. В Архангельской области статус большухи символизировался посредством особого места в доме — пространства за печью (*закут* или *солныш*). Только большуха могла хозяйничать там, пока она сама не вводила туда свою преемницу. Знаки большины связаны с приготовлением пищи и теми домашними обязанностями, которые веками входили в женскую сферу ответственности. На разных территориях России статус большухи символизировался посредством разных объектов, что можно объяснить следующим образом. Предметы, которыми человек окружен, — скот, растения, средства передвижения, орудия труда,

жилое пространство — вовлечены в плотную сеть повторяющихся практических действий, связывающих человека, пространство и предмет в единое оперативное целое (габитус). Социум ожидает от своих членов таких практик, они же определяют их социальное место. Так, большуха должна содержать корову, подобно тому как в американских городах обеспеченное семейство должно иметь дом, соответствующий статусу. Предметы, которыми мы владеем и за которые мы отвечаем, сохраняются в поле наших практик и обеспечивают их продолжение, они структурируют наше время и требуют определенного количества жизненной силы. Поэтому выбор владеть чем-то — несомненно, выбор затратный, и такой выбор никогда не бывает абсолютно свободен. Как отмечал Пьер Бурдьё, «собственность присваивает своего владельца, воплощая себя в форме структуры, генерирующей практики, идеально соответствующие ее логике и требованиям» [Bourdieu 1990: 57].

Большуха в советское время

Теперь, на основании описанных половозрастных характеристик деревенского сообщества, мы можем прояснить специфику статуса большухи и его изменение в советское время. До коллективизации о социальном благополучии семьи заботился большак. Он был членом деревенского схода. Сход отвечал перед государством за сбор налогов, занимался перераспределением земли, определял, кто пойдет служить в армию и пр. Процветание деревенской общины зависело от разумного и компетентного поведения большаков. Парень отвечал за себя, его личная отвага и «ловкость» в промыслах и работе приносили семье «славу», а дурное поведение (трусость, слабость) расценивалось как «позор» семьи. Девушка отвечала перед родителями за свою «честь». Мужик нес ответственность перед своим отцом и обществом за себя и свою жену. Большуха же, в отличие от всех них, была подотчетна только одному человеку — своему большаку.

В советское время, с постепенным распадом мужской большины, в 1940—1950-х годах институт женской большины набирает силу. В дополнение к традиционным обязанностям большуха берет на себя социальную ответственность перед государством за свою семью и, таким образом, оказывается в роли главы хозяйства (большака). Это происходит по нескольким причинам. Как мы показали выше, женской сферой ответственности было содержание домашнего хозяйства с отнесенным к нему участком земли (усадебой) и скотом, и государству было выгодно, чтобы такая ситуация сохранялась. По официальной оценке, приусадебное крестьянское хозяйство больше не являлось